

Ледяные боги

Автор:

[Генри Хаггард](#)

Ледяные боги

Генри Райдер Хаггард

Аллан Квотермейн

Роман в сокращённом виде. При этом исчезала привязка событий романа к Аллану Квотермейну.

«Ви молился своим богам – Ледяным богам, тем, которым поклонялось его племя. Как давно верило в них племя – он не знал. Не знал также, откуда взялось племя, только слышал легенду, что когда-то, в древние времена, их предки, родоначальники, пришли сюда из-за гор, отступая к югу и теплу от грозного холода.

Боги обитали в темной, почти черно-синей глыбе льда самого крупного из ледников, сползающих с вершин необъятных снежных гор. Основная масса этого ледника уже лежала в центральной долине, но часть ледяного потока шла по долинам на восток и на запад и доходила до моря. Там весной, зачатые в самом сердце покрытых снегом холмов, рождались дети Ледяных богов; великими айсбергами выходили они из темных недр долины и уплывали на юг. Поэтому обиталище богов – огромный центральный ледник – двигался медленно вперед...»

Генри Райдер Хаггард

Ледяные боги

* * *

Глава I. Ви ждет знака

Ви молился своим богам – Ледяным богам, тем, которым поклонялось его племя. Как давно верило в них племя – он не знал. Не знал также, откуда взялось племя, только слышал легенду, что когда-то, в древние времена, их предки, родоначальники, пришли сюда из-за гор, отступая к югу и теплу от грозного холода.

Боги обитали в темной, почти черно-синей глыбе льда самого крупного из ледников, сползающих с вершин необъятных снежных гор. Основная масса этого ледника уже лежала в центральной долине, но часть ледяного потока шла по долинам на восток и на запад и доходила до моря. Там весной, зачатые в самом сердце покрытых снегом холмов, рождались дети Ледяных богов; великими айсбергами выходили они из темных недр долины и уплывали на юг. Поэтому обиталище богов – огромный центральный ледник – двигался медленно вперед.

Урк-Престарелый, тот, кто видел рождение всех в племени, рассказывал, как дед говорил ему, когда сам Урк был еще совсем маленьким, что в дни молодости деда нижняя оконечность центрального ледника была не больше, чем на бросок копья. Ледник висел на высоте приблизительно двадцати высоких сосен, поставленных одна на другую; висел чудовищной угрозой и медленно, совершенно незаметно, но неуклонно сползал вниз. Большая часть ледника состояла из темного, почти черного льда, который подчас – когда живущие в нем боги разговаривали – трещал и стонал; а когда боги сердились, ледник двигался вперед, иногда на длину руки, и тогда сбрасывал перед собой стоящие на пути скалы и обрушивал их вниз, в долину, в качестве предвестника будущего своего прихода.

Кто эти боги – этого Ви не знал. Знал он лишь одно: что они ужасны и власть их безгранична, что нужно страшиться их и поклоняться им, как поклонялись его предки, и что в их руках судьба племени.

В осенние ночи, когда поднимались туманы, кое-кто из племени видел богов. То были огромные призрачные видения, медленно двигавшиеся по леднику. По временам случалось, что боги подходили к самому берегу, на котором жил их народ. Соплеменники Ви слышали даже, как боги смеются. А жрец племени Нгай-Волшебник и Тарен-Колдунья, – Тарен, любовница Нгая, рассказывали о том, что боги говорили с ними и давали советы и указания.

С Ви боги никогда не разговаривали, хотя он не раз оставался целыми ночами лицом к лицу с ними: на это никто в племени не осмелился бы. По временам, – особенно, когда Ви бывал совершенно сыт, доволен и спокоен и охота его была удачна, – боги становились так тихи и так молчаливы, что Ви начинал сомневаться в самом их существовании. Ви тогда думал, что боги – сказка, а то, что называют их голосами, – просто шум льда, ломающегося от морозов и оттепелей.

В одном только он не сомневался. Скрытый глубоко во льду, на глубине трех шагов от поверхности, видимый далеко не всегда, а только при определенном освещении, стоял один из богов. Многим поколениям племени он был известен под именем Спящий, ибо он никогда не шевелился. Толком разобрать его очертаний Ви никак не мог. Видел только, что у Спящего длинный нос, у основания толстый как дерево и утончающийся к концу. Под носом виднелись огромные, искривленные зубы. Голова была большая, и сзади нее громоздилось необъятное тело, размером с кита, такое большое, что всех очертаний его до конца нельзя было различить.

Это, несомненно, был бог, хотя бы уже потому, что никто во всем племени никогда не видывал подобного ему существа. Впрочем, почему бог спал в глубине ледника – понять никто не мог. Правда, если бы кто-нибудь видел подобное чудище, несомненно, понял бы, что это не бог, а просто мертвое животное. Но существо, вмерзшее в льдину, не было похоже ни на одно известное племени.

И поэтому, подобно всем своим родичам и одноплеменникам, Ви считал богом доисторического огромного слона, в начале ледниковой эпохи попавшего в лед – должно быть, за сотни, а может быть, и за тысячи лет до этого принесенного от дальнего места своей гибели сюда – чтобы, очевидно, найти последнее пристанище на дне морском. Бог, несомненно, был странный, впрочем, не хуже многих других богов.

* * *

Ви явился к леднику, когда еще не рассвело, после споров с женой, гордой и прекрасной Аакой, явился затем, чтобы получить от богов указания и узнать их волю.

А дело было серьезное.

Племенем правил сильнейший из мужчин, Хенга, родившийся десятью веснами ранее Ви, мужчина огромный, сильный и свирепый. Закон племени гласит, что править должен сильнейший, править до тех пор, покуда более сильный, чем он, не явится к пещере, в которой живет вождь, не вызовет вождя и не убьет его в единоборстве. Так Хенга убил своего отца, бывшего вождем до него.

А теперь вождь угнетал племя. Сам он не работал, но брал у других пищу и меховые одежды, которые они добывали. Более того: хотя женщин в племени было мало и мужчины дрались из-за них, Хенга забирал женщин у их родителей или мужей; держал у себя некоторое время, а затем прогонял или убивал и брал себе новых жен. И никто не смел сопротивляться, ибо жизнь Хенги была священна и он был волен делать все, что ему нравится.

Единственный, кто имел право спорить с ним, был, как уже сказано, тот, кто вызовет его на единоборство, ибо убить вождя не на единоборстве считалось великим грехом и убийцу изгоняли из племени и проклинали. Если же вызвавший победил бы, пещера вождя, его жены и все имущество переходили к победителю; победитель становился, в свою очередь, вождем и правил, покуда сам не погибал так же, как и его предшественник.

И потому никогда не случалось, чтобы вождь племени дожил до старости, ибо как только с годами он слабел, выступал кто-нибудь моложе и убивал его. Впрочем, по той же причине редко выходили на единоборство с вождем, ибо кто желал им стать, помня, что вождь естественной смертью не умирает и что лучше терпеть угнетения, нежели умереть.

Но Ви хотел стать вождем по двум причинам: во-первых, потому, что Хенга был слишком жесток и, во-вторых, он правил племенем неразумно, угнетал его и вел к гибели. И к тому же Ви знал, что если он не убьет Хенгу, то Хенга убьет его, убьет из ревности.

Хенга давно убил бы Ви, если бы Ви не пользовался уважением в племени за то, что был великим охотником, за то, что запасы еды в значительной степени пополнялись им, так что убийца навлек бы на себя всеобщую ненависть. Поэтому Хенга, боясь вступить с Ви в открытый бой, пытался уже не раз исподтишка расправиться с ним.

Так, например, совсем недавно, когда Ви осматривал свои волчьи ямы на опушке леса, внезапно мимо него прожужжало копье, пущенное с нависающей скалы. Ви подхватил копье и убежал. Он узнал это копье: оно принадлежало Хенге. К тому же, он обнаружил еще одну вещь: кремневый наконечник был смочен ядом, который племя добывало из внутренностей разлагающейся рыбы, смешивая его с соком одной травы. Яд этот Ви легко узнал, потому что сам пользовался им на охоте. Копье он сохранил и никому, кроме жены, не сказал обо всем происшедшем ни слова.

А затем дела пошли еще хуже. У Ви был сын Фо, мальчик десяти лет, которого он любил больше всего на свете, и была дочь, годом моложе Фо, по имени Фоя. Детей в племени было мало, и большинство из них умирало в младенчестве от холода, недостатка пищи и различных болезней. К тому же рождавшихся девочек часто выбрасывали на съедение диким зверям.

Однажды вечером Фои долго не было, и все решили, что ее растерзали лесные волки, а может быть, горные медведи. Аака плакала, и Ви, когда никто не видел этого, плакал тоже. Два дня спустя, выйдя утром из хижины, он нашел у входа что-то завернутое в звериную шкуру. Развернув тук, он обнаружил труп маленькой Фои; шея ее была свернута и следы пальцев огромной руки отпечатались на горле. Ви сразу догадался, что сделал это Хенга, и та же мысль пришла в голову всем остальным, ибо никто в племени, кроме вождя, никогда не убивал, если не считать тех случаев, когда люди сражались за женщин. Однако, когда Ви показал тело дочери народу, все молчали и только покачивали головами, и каждый думал, что Хенга – вождь и, следовательно, имеет право убивать.

И тогда кровь Ви вскипела, и он сказал Ааке, что хочет вызвать Хенгу на единоборство.

– Он об этом только и мечтает, – сказала Аака. – Ведь он дурак; он думает, что сильнее и легко убьет тебя. И тем самым обезопасит себя на некоторое время,

пока ты, несомненно, – это даже для него ясно – не убьешь его. А я давно уже хотела, чтобы ты вызвал Хенгу, и знаю, что ты одолеешь его.

И она завернулась в свой меховой плащ и улеглась спать.

Утром она вернулась к этой теме.

– Слушай, Ви. Мне во сне явилось видение. Мне почудилось, что Фоя, наша дочь, стоит у моего ложа и говорит:

«Пусть Ви, мой отец, ночью пойдет молиться Ледяным богам и ждет знака от них. Если на заре с вершины ледника упадет камень, то это будет приметой, знаком ему, что он должен бороться с Хенгой, отомстить Хенге за пролитую им мою кровь, что он станет вождем вместо Хенги. Если же камень не упадет, пусть не вызывает Хенгу, ибо в таком случае Хенга убьет его. А затем, убив Ви, Хенга убьет Фо, брата моего, а тебя, мать мою, возьмет себе в жены».

– По-моему, Ви, нужно послушаться голоса умершей нашей дочери. Ты должен пойти к Ледяным богам, помолиться им и ждать от них знака.

Ви с сомнением поглядел на нее. Он не очень верил в сны и был убежден, что она все придумала, чтобы заставить его вызвать Хенгу на бой.

Так он ей и сказал:

– Подобный сон – гнилая трость, на которую нельзя опираться. Я знаю, ты давно уже хочешь, чтобы я сразился с Хенгой, хотя он грозный и страшный воитель. Но если я буду драться с ним и он убьет меня, что станет с тобой и Фо?

– С нами будет то, чему суждено случиться и ничего больше. А иначе племя начнет твердить, что Ви боится отомстить за кровь убитой дочери ее убийце Хенге.

– Знаю только, что если и скажут – скажут ложь. Я беспокоюсь не за себя, но за тебя и за Фо.

– В таком случае, ступай к Ледяным богам и жди от них знака.

– Я пойду, Аака, но не вини меня потом, если приключится беда.

– Беды не будет, – ответила Аака и улыбнулась в первый раз после смерти Фои.

Она была уверена, что Ви, несомненно, одолеет Хенгу. Нужно было только заставить его вызвать Хенгу на бой, и тогда он уж отомстит за убитую дочь и станет вождем племени. И потому еще улыбалась она, что была твердо уверена в том, что с вершины ледника на заре, когда солнечные лучи упадут на лед, несомненно, свалится камень.

* * *

Итак, на следующую ночь Ви-Охотник тихо выбрался из селения, обогнул подножие высившегося на востоке холма и пошел по ущелью между гор, покуда не достиг основания большого ледника.

Волки, бродившие в окрестностях и по-зимнему голодные – весна в этом году припозднилась – почуяли человека и окружили его. Но он не боялся волков; к тому же печаль ожесточила его сердце.

Увидев их, с воплем ринулся он на самого большого волка, вожака стаи, и вонзил кремневое копье в его горло. А когда тот завертелся, щелкая окровавленными челюстями, Ви ударом каменного топора вышиб ему мозги бормоча:

– Так и ты умрешь, Хенга!

Волки поняли, что с этим противником им не справиться и разбежались все, кроме вожака, который остался лежать мертвый. Ви потащил труп на вершину скалы, туда, где стая не могла достать его, и оставил там, чтобы освежевать поутру.

Покончив с волком, он продолжал свой путь вверх по холодной долине, куда звери не заходили, так как здесь не было никакой добычи. Он поднимался, пока не достиг ледника. Мощная стена сползающего льда тускло сверкала в лунном свете и заполняла расщелину от края до края; лед был шириной не менее, чем в четыреста шагов. Ви, когда был здесь последний раз, вбил один кол между двух

скал, а другой пятью шагами ниже, так как хотел проверить, движется ли ледник.

Ледник двигался. Первый кол был уже скрыт под массой льда, язык ледника подбирался ко второму.

Боги проснулись, боги шли к морю.

Ви вздрогнул. Но вздрогнул он не от холода, к которому привык, а от страха, ибо боялся этого места. Здесь было обиталище богов, скрывавшихся в леднике, богов вечно гневных, в которых он верил.

И тут он вспомнил, что не принес с собой жертвы, дабы умиловать их. Он вернулся туда, где лежал убитый волк, и с трудом, пользуясь острым кремневым копьем и каменным топором, отделил голову волка от туловища. Он вернулся, положил волчью голову на камень у подножия ледника и пробормотал:

– Она кровоточит, а боги любят кровь. Клянусь, что если я убью Хенгу, я принесу богам его труп, который понравится им больше, чем волчья голова.

Затем он стал на колени и начал молиться. Молился он долго и закончил молитву так:

– Укажите же мне, о боги, что делать. Должен ли я вызвать Хенгу на бой, как ведется издавна, и сойтись с ним в единоборстве перед лицом всего народа? Если же мне не делать этого, то как смогу я остаться здесь? Значит, тогда я должен бежать отсюда с женой моей Аакой и с сыном моим Фо и, может быть, с моим приемышем карликом Пагом, мудрым человеком-волком, бежать отсюда и искать себе иного жилища за лесами, если нам удастся пройти через них. Примите мое приношение, о боги, и дайте мне ответ. Если я должен биться с Хенгой, бросьте камень с вершины ледника, а если мне нужно бежать, дабы спасти жизнь Лаки и Фо, не бросайте его. Я жду здесь и буду ждать, покуда солнце не поднимется и не наступит ясный и полный день, и тогда, если камень упадет, я вернусь и вызову Хенгу на единоборство. А если он не упадет, я откажусь от этой мысли и в ночи скроюсь отсюда с Аакой, Фо и с Пагом, если он последует за мной, и тогда у вас будет четверьма почитателями меньше, о боги!

Последняя мысль пришла ему в голову внезапно. Эта мысль очень понравилась ему, и Ви решил, что она должна убедительнейшим образом подействовать на богов, так как почитателей у них было и так немного и потому боги должны были быть не склонны лишаться их.

* * *

Ви окончил молитву – занятие, утомительное для него более, чем целый день охоты и рыболовства, – и, продолжая стоять на коленях, глядел на громоздившийся перед ним ледник. Он не имел ни малейшего представления о законах природы, но знал, что если пустить тяжелое тело вниз по скату, то оно понесется все быстрее и быстрее. Он помнил, как однажды убил медведя, скатив на него камень.

Вспомнив это, он стал думать, что случится, если вся огромная масса двинется вниз с огромной скоростью, а не с обычной быстротой всего в несколько ладоней за год. Впрочем, представить подобную картину ему помогла память. Как-то в лесу увидал он ледяное дитя, порождение глетчера: увидал, как глыба, величиной с целую гору, внезапно обрушилась вниз по одной из западных долин в море, взметнув пену и брызги до самых небес.

Глыба эта не причинила вреда никому, кроме, может быть, тюленей и котиков, игравших в бухте. Но если бы двинулся вниз огромный центральный ледник и вместе с ним все маленькие западные ледники, – что бы случилось с племенем на побережье? Всех бы прибило, всех до единого, и ни одного человека не осталось бы во всем мире.

Он, понятно, обо всем мире, о вселенной ничего не знал. Землю называл он словом «место», и в это понятие входили те несколько миль побережья, лесов и гор, по которым он блуждал и которые были ему знакомы. С большой высоты гор не раз видел он другие побережья и леса, горы за каменистой пустынной равниной, но все эти края казались ему не настоящими, а каким-то видением из сна. По крайней мере, там никто не жил, не то племя слышало бы голоса тех людей или увидело бы дым от их костров, костров, у которых соплеменники Ви грелись и готовили пищу.

Правда, ходили рассказы о том, что существуют еще люди на свете, и даже хитрый карлик Паг полагал, что это так. Но Ви – человек действия – не обращал

внимания на подобные рассказы. В этой долине, был уверен он, вместе с ним жили единственные люди на земле, и, если их раздавит ледник, то вообще все будет кончено.

Впрочем, если даже все люди и погибнут (понятно, кроме Ааки, Фо, Пага – о других он мало беспокоился), ничего ужасного не произойдет для остальных существ: те, кто идут в пищу – тюлени, птицы и рыбы, в особенности же лосось, который весной идет вверх по реке, а также форель, – будут даже счастливее, чем сейчас.

Подобные размышления утомили его, ибо он был человек действия и только начинал учиться думать. Он оставил эти мысли так же, как бросил молиться, и большими задумчивыми глазами глядел на лед перед собой.

Небо уже серело, и все вокруг стало светлеть. Скоро встанет солнце, и он сможет заглянуть в глубину льда.

Заглянуть! Там, во льду, были лица странные, какие-то чудовищные, – одни широкие, толстые, другие – узкие, и они, казалось, колебались и менялись вместе с меняющимся освещением и игрой теней. Несомненно, то были лица меньших богов, которых, наверное, тоже немало, богов злых, коварных, все они издевались над ним, подглядывали, слабились, насмехались.

А позади них неясным очертанием выделялся великий Спящий, такой, каким он был и всегда – бог-гора, бог с изломанным огромным носом, кривыми зубами, бог с головой, подобной скале, с ушами величиной с хижину, с маленьким холодным глазом, который, казалось, всегда глядел на смотрящего. А позади, в глубинах льда, терялось необъятное тело высотой, должно быть, в три человеческих роста.

Да, это был настоящий бог!

Глядя на него, Ви мысленно представил себе, как однажды бог пробудится, пробьет лед, вырвется на свободу и сбежит вниз по горе.

Ви поднялся с колен, робко пополз к леднику и заглянул в отверстие во льду. Он хотел получше рассмотреть бога. Когда он стоял, наклонившись, в ясном небе, над плечом горы, поднялось солнце, и его лучи упали на ледник в первый раз за

всю эту весну, вернее, за раннее лето. Солнце осветило расщелину во льду, и Ви различил Спящего лучше, чем ему случалось видеть бога до сих пор.

Поистине, Спящий был огромен. А вот позади него находилось нечто подобное человеку, какой-то смутный образ, о котором Ви много раз слышал, но которого до сих пор никогда не видал. А может быть, всего лишь тень? Ничего наверняка Ви сказать не мог, потому что как раз в это мгновение солнце скрылось за облаком, и неясный образ исчез.

* * *

Ви терпеливо стал ждать, пока облако пройдет.

Ему повезло, что он задержался. Как раз в то мгновение, когда он подумал было о том, чтобы вернуться вниз, огромная каменная глыба, лежавшая, очевидно, на самом гребне ледника, отделилась от своего подтаявшего основания и, грохоча, понеслась вниз по глетчеру, перескочила через Ви и упала в то самое место, на котором он только что стоял. Упала, оставила яму в промерзлой земле, в порошок растерла волчью голову и помчалась дальше к побережью.

– Спящий охранял меня, – пробормотал Ви, оборачиваясь, чтобы посмотреть вслед несущейся скале. – Останься я там, где стоял, я был бы растерт так же в порошок, как и волчья голова.

Затем он внезапно вспомнил, что скала – камень. И что камень упал в ответ на его молитву, что упавший камень – знак, которого он ожидал. Тогда он торопливо ушел прочь, дабы не свалился еще камень и не раздавил бы его самого.

Пробежав несколько часов по склону ледника, он добрался до ниши в горе и сел, зная, что здесь он в полной безопасности. Ви задумался, вспоминая:

– О чем это я спрашивал богов? Если камень упадет, я должен биться с Хенгой, или если камень упадет, я не должен биться с ним?

Вдруг он вспомнил все. Понятно, он должен биться. И Аака всегда подбивала его биться; и холод пробежал по всему его телу. Легко говорить о битве с этим

яростным великаном, но сразиться с ним – дело совсем не простое. Но боги сказали свое слово, и он не смеет не повиноваться приказу, о котором сам просил. И, наверное, боги, спасшие его жизнь от скатившейся каменной глыбы, тем самым хотели показать ему, что Хенгу он одолеет. А впрочем, может быть, боги хотели сохранить ему жизнь только затем, чтобы Хенга ради их удовольствия разорвал его в клочья. Ведь боги любят кровь. Они жестоки. И затем, ведь их боги – боги зла, и потому им, должно быть, приятно будет даровать победу злему человеку.

На все эти вопросы Ви ответить не мог. Поэтому поднялся и медленно пошел к берегу, размышляя о том, что он, наверное, в последний раз в жизни видел ледник и обитающих в нем ледяных богов, – в последний раз, потому что сегодня вызовет Хенгу на бой и сразится с ним. А значит, ему больше не жить.

Возвращаясь, он прошел мимо места, где оставил убитого волка, взглянул на скалу и был поражен тем, что кто-то уже свежует зверя. Пальцы его сжались на рукояти копья, ибо свежевать убитого другим зверя значило нарушать охотничий закон и красть убитое другим. Но приблизившись, Ви улыбнулся, и пальцы его, сжимавшие рукоять копья, разжались. То был не вор. То был Паг, его любимый раб.

Странный вид был у Пага. Это был карлик с огромной головой, одноглазый, широкогрудый, длиннорукий силач на толстых коротких ногах, не длиннее, чем ноги восьмилетнего ребенка. Он был чудовищно безобразен – плосконос, широкорот, но безобразное лицо в шрамах всегда растягивала насмешливая улыбка. Рассказывали, что при рождении (то было немало времени тому назад, ибо юность Пага прошла) он был так безобразен, что мать бросила младенца в лесу, боясь, как бы его отец не убил ее за то, что она принесла такого уродца. Мать выбросила его, собираясь сказать, что сын родился мертвым.

Но случилось так, что отец, вернувшись и узнав об участии ребенка, отправился искать его труп, но нашел дитя живым, хотя один глаз у него вытек от удара о камень при падении и лицо было изорвано колючками. Но так как ребенок был первым, а отец – человеком мягкосердечным, он отнес его назад в хижину и заставил мать выкормить младенца. Мать выкормила ребенка, но видно было, что она испугана, хотя никому не рассказывала об этой истории.

Таким образом, Паг не умер и остался жить. Помня то зло, которое причинила ему мать, он с малолетства стал женоненавистником. Большую часть своей

жизни он проводил в лесу с волками, за что (а впрочем, может, и по другим причинам) был прозван «человек-волк».

Паг вырос и стал умнейшим во всем племени, ибо природа, создавшая его безобразным и отвратительным на вид, наградила его умом и острым, злым языком, которым он преследовал всех женщин и нещадно издевался над ними.

За все его насмешки они ему платили ненавистью и договорились погубить. И вот наступило время голода, я тогда все женщины убедили вождя, отца Хенги, что виноват во всех бедах и злоключениях племени Паг. Потому вождь изгнал Пага из племени, обрекая его на голодную смерть. Но когда Паг почти умирал от голода, Ви нашел его и привел к себе в хижину, как раба. Аака ненавидела Пага не меньше, чем все остальные женщины. Но закон гласил, что если кто-нибудь спас другому жизнь, жизнь спасенного принадлежала спасителю.

В сущности же, Паг был гораздо больше, чем простым рабом. С того самого часа, когда Ви, невзирая на гнев женщин, привел к себе Пага, тот полюбил своего спасителя и хозяина больше, чем женщина любит своего первенца, больше, чем мужчина любит свою нареченную; к тому же Ви часто защищал и спасал Пага от смерти, сам рискуя навлечь на себя гнев вождя и своих одноплеменников, ибо женщины уже ликовали, что избавились от Пага и его злого языка.

С тех пор Паг стал тенью Ви, был готов ради него переносить какие угодно муки, готов был умереть ради него, и даже удержаться от шуточек и насмешек по адресу Ааки или другой женщины, на которую Ви взглянул бы одобрительно. Впрочем, последнее было для Пага труднее всего: для того, чтобы удержаться от насмешек, ему приходилось до боли прикусывать себе язык. Таким образом, Паг любил Ви, а Ви любил Пага, и потому Аака, ревнивая и завистливая, стала ненавидеть Пага еще больше, чем ненавидела раньше.

То, что Ви спас жизнь Пагу, изгнанному в самый злой холод на голодную смерть за то, что приносил несчастье племени, что был сварлив и неуживчив, вызвало немало толков. Но когда дело дошло до вождя, отца Хенги, человека мягкосердечного, он объявил, что раз уж Паг был дважды выброшен из племени и осужден на голодную смерть и дважды спасся, то ясно, что боги предрекли ему какую-нибудь иную кончину. Но Ви подобрал его и должен смотреть за тем, чтобы Паг никому не причинял беды. Если же Ви нравится держать в своем жилище одноглазого волка, то это дело только Ви. Вскоре после того Хенга убил своего отца и стал вождем вместо него, так что дело с Пагом было позабыто. Паг

остался в хижине Ви и жил с ним вместе; Ви и дети любили Пага, а Аака ненавидела его.

Глава II. Племя

– Хороший мех, – сказал Паг, указывая на волка окровавленным кремневым ножом. – Весна пришла поздно, и зверь еще не начал линять. Когда я выдублю шкуру как следует, выйдет хороший плащ для Фо. А Фо очень нужен теплый плащ, даже летом. Ведь все прошлое лето он кашлял.

– Да, – тревожно сказал Ви, – кашель напал на него с тех пор, как он спрятался в холодной воде от гнавшегося за ним черного, длиннозубого медведя. Мальчик знал, что медведи в воду не входят. Но за это, – внезапно рассвирепев, добавил он, – я убью этого медведя. И Фо горюет по сестре.

– Да, Ви, – прохрипел Паг, и его единственный глаз загорелся ненавистью, – Фо горюет, Аака горюет, ты горюешь и даже я, человек-волк, горюю о ней. Почему ты звал меня с собой на охоту в тот день, когда я хотел остаться дома и сердце мое чуяло грозящую беду? А я хотел остаться дома и присмотреть за Фоей, которую Аака отпустила побегать потому только, что я сказал ей, чтобы она не отпускала девочку далеко и следила за ней.

– Такова воля богов, – пробормотал Ви и отвернулся.

– Богов? Каких богов? Это воля не богов, а двуногой твари. Он зол, как тигр с клыками, о котором нам рассказывали деды. Да, это воля не богов, а всему виною Хенга, и помогла ему раздражительность Ааки. Убей этого человека-тигра, Ви, и брось думать о черном медведе. А если ты не хочешь или не можешь убить Хенгу, предоставь это мне. Есть одна женщина, которая ненавидит его за то, что он отверг ее и сделал служанкой той, которую взял вместо нее. А я умею варить, отличный яд...

– Нет, это незаконно, – сказал Ви, – и такое убийство навлечет на нас проклятие. Но закон разрешает мне убить его. Об этом я и говорил с богами.

– Так вот, значит, куда делась волчья голова: пошла на жертвоприношение! Понимаю. А что сказали тебе боги, Ви?

– Они подали мне знак. Все случилось так, как сказала Аака: если мне суждено биться с Хенгой, то с ледника упадет камень. Камень упал. Он задавил бы и меня, но в это время я отошел от волчьей головы и приблизился ко льду, чтобы получше разглядеть Спящего, величайшего из богов.

– По-моему, он вовсе не бог, Ви. Мне кажется, что это зверь неизвестной нам породы: замерзший зверь, а тень позади Спящего – человек, который охотился за этим зверем. Они оба попали в снег и там умерли, а снег обратился в лед, и так появился ледник.

Ви удивленно взглянул на него, подобная мысль никогда не приходила ему в голову.

– Как же это может быть, Паг? Ведь и Спящий, и Тень в леднике были вечно. И наши праотцы помнят, что они были здесь, и такого зверя никто не видывал. И кроме нас, вообще людей не существует.

– А ты в этом уверен, Ви? Мир велик. Если ты подынешься на вершину холма, увидишь там далеко, как только хватает глаз, другие холмы; а между ними виднеются равнины и леса. И далеко в две стороны идет море, и немало заливов на морском берегу. Отчего же, в таком случае, не должно быть больше людей на свете? Неужто боги создали только нас? Слишком мало нас одних для забавы им.

Ви только покачал головой в ответ на эти кощунственные рассуждения, а Паг продолжал:

– А то, что ты думаешь о камне, – часто ведь случается, что, когда солнце подточит лед, с гребня начинают идти трещины и валуны сыплются с ледника. А все, что мы называем стенаниями и призывами богов, по-моему, просто треск льда, – он трещит, когда оседает под собственной тяжестью...

– Замолчи, Паг, – перебил его Ви, затыкая пальцами уши. – Я больше не хочу слушать твои безумные речи. Если боги услышат их, они нас покарают.

– Если люди услышат эти речи, они нас не убьют. Ведь люди живут в страхе перед тем, что не могут видеть, и рады спасти свои жизни ценою жизни другого. А что до богов – вот им.

И Паг показал леднику кукиш, необычайно древний знак презрения.

Ви был так подавлен этими словами и жестом, что уселся на камень, будучи не в силах отвечать, а Паг, первый скептик в племени, продолжал:

– Если уж мне пришлось бы выбирать себе бога, – а, на мой взгляд, люди и так достаточно злы, и незачем было бы ставить над ними кого-нибудь еще злее, – я выбрал бы себе богом солнце. Солнце дает всему жизнь; когда солнце сияет, все растет, все живые существа сходятся в пары, птицы кладут яйца, и тюлени приплывают сюда, и цветут цветы. А когда нет солнца, а есть только мороз и снег, все существа или умирают, или уходят прочь отсюда, и жить становится трудно, волки и медведи бесятся от голода и пожирают людей. Да, я выбрал бы себе солнце добрым богом, а мороз и черную тьму – злыми богами. Но послушай, Ви! Как же будет с Хенгой? Ты вызовешь его на бой?

– Да, – последовал свирепый ответ, – сегодня же.

– О, если бы ты победил! Если б ты убил его! Поразил бы так, так, так!

И Паг вонзил несколько раз кремневый нож в брюхо убитого волка.

– Да, – задумчиво добавил он. – Дело это не легкое. Мне никогда не приходилось слышать ни об одном человеке, столь же сильном, как Хенга. Прав Нгай, который называет себя волшебником, а на самом деле только лжец и обманщик, прав, говоря, что мать Хенги ошиблась. Нгай говорит, что она хотела принести двойню, но только дети в ее утробе смешались и вышел один Хенга. Ведь он прямо двойной: у него зубы во рту в два ряда, и он вдвое выше ростом, чем все люди, и злее всех, побольше даже, чем вдвое. Впрочем, он, несомненно, человек, а не то, что ты называешь богом: ведь он толстеет и становится все более тяжелым на подъем, и волосы его начинают седеть. Значит, его может убить всякий, у кого хватит силы проломить ему толстый череп. Собственно, я бы предпочел отравить его, но ты говоришь, что нельзя делать этого. Ну, я обдумаю все, и мы с тобой поговорим еще перед боем. А пока что (наверное, потом нас будут окружать болтливые бабы и не удастся толком поговорить), скажи мне,

Ви, что я должен делать, если Хенга убьет тебя? Наверное, тебе вовсе не хочется, чтобы он взял себе в жены Ааку, как он давно собирается сделать, и чтобы он превратил Фо в раба?

– Вотсе не хочется.

– В таком случае, прикажи мне убить их или присмотреть за тем, чтобы они сами убили себя.

– Приказываю тебе это, Паг.

– Хорошо. А что должен делать я?

– Не знаю, – устало ответил Ви. – Поступай, как тебе заблагорассудится. Я благодарю тебя и желаю тебе добра.

Паг поднял край содранной с волка шкуры, отер свой единственный глаз и сказал:

– Ты не добр ко мне, Ви. Правда, меня называют Дважды-Выброшенный и Человек-Волк, Безобразный и Злоязычный, но ведь я всегда верно служил тебе. А тебе безразлично, что станется со мною.

* * *

Со свеживанием волка было покончено, и Паг накинул себе на плечи окровавленную шкуру. Она висела шерстью наружу, так как, по словам Пага, не нужно было давать ей сморщиться, а несколько капель крови ему не помешают. И оба молча пошли вниз к берегу; впереди шествовал подвижный, стройный и рослый Ви, а за ним ковылял на коротких ногах безобразный Паг.

Растянувшись вдоль побережья рядами, в долине стояло много грубых хижин, похожих на индейские вигвамы или на примитивные хижины австралийских дикарей. Возле бродили остромордые, длинношерстые, хмурые и крепкие звери, которых современный человек принял бы скорее за волков, чем за собак. Родоначальниками их и вправду были волки, но эти звери стали уже более или менее ручными и отпугивали от поселения настоящих хищных волков и других

диких зверей, блуждавших по побережью и в лесах.

Как только эти звери увидели Ви и Пага, они яростно бросились вперед, разинув пасти и свирепо рыча, но почуяв знакомый запах, немедленно успокоились и почти все вернулись обратно к хижине. Только несколько из них, принадлежавшие лично Ви и жившие у него в хижине, не отставали, виляли хвостами, прыгали на Ви и старались лизнуть его в лицо. Он погладил по голове одну из собак, любимого пса Ио, и немедленно остальные собаки ревниво набросились на него. Пагу немало труда стоило растащить их.

Шум собачьей грызни привлек внимание людей, и многие выглянули из хижин, чтобы узнать, в чем дело.

То были люди со свирепыми лицами, все темноволосые, подобно Ви, впрочем, ниже его ростом и не так крепко сложенные. Все здесь, в общем, походило друг на друга – результат перекрестных браков представителей многих поколений. Чужестранцу, наверное, пришлось бы отличать этих людей скорее всего по возрасту, но так как никогда человек другого племени не появлялся здесь, все это было не важно, потому что соплеменники легко различали друг друга по одним им известным признакам.

У большинства из них лица были изможденные, покрытые ранними морщинами, свидетельствующими о том, что эти люди хорошо знакомы с голодом, холодом и нуждой. У многих, как и у Ви, были прекрасные, но словно испуганные глаза, глядевшие украдкой и нерешительно. Детей в племени было немного. Они держались вместе, в одной кучке, очевидно, для того, чтобы не попадаться под ноги старшим и избегать пинков; либо же бродили вокруг костров, где жарилась пища, насаженная на вертела (племя не знало никаких ремесел, пищу готовило самым примитивным способом и не имело никакой кухонной утвари), в основном тюленьё мясо. Дети блуждали вокруг костров вместе с собаками, стараясь, пока никто не видит, стащить кусок мяса. Только несколько младенцев сидело на песке, играя палочками и ракушками. Женщины казались более подавленными, чем мужчины. Впрочем, неудивительно: они здесь были на положении рабынь, выполняли тяжелую работу и служили своим господам, взявшим их в жены либо силой, либо в обмен на другую женщину, или же за выкуп – костяными крючками для ужения, кремневым оружием, веревками из сухожилий и выделанными шкурами.

Ви пробирался к своей хижине в сопровождении Пага.

Хижина Ви была большая и опрятнее многих других. Выдубленные звериные кожи покрывали крышу, сделанную из сухих листьев и водорослей; эта крыша прекрасно предохраняла от холода.

Судя по всему, с Ви в племени считались: все встречные расступались перед ним, и не одна женщина глядела ему вслед сочувственно, так как у людей еще свежо в памяти было, как Хенга всего несколько дней назад похитил его дочь и убил ее. Одна из женщин напомнила об этом другой, но та ответила, как только Ви отошел достаточно далеко, не боясь, что он услышит:

– А кому какое до этого дело? Будущей зимой одним ртом меньше будет. Да и кому охота воспитывать дочерей, чтобы стало с ними то же, что с нами?

Несколько молодых женщин – в племени девушек не было: как только девочка подрастала, ее сейчас же кто-нибудь брал себе в жены – окружили Пага и, будучи не в силах сдержать любопытство, принялись расспрашивать о волчьей шкуре, лежавшей у него на плечах. Но Паг остался верен себе: он огрызнулся, сказав, что им незачем вмешиваться в чужие дела и чтобы они лучше работали и не шлялись зря. Женщины рассердились, стали ругать его, дразнить, смеяться над его безобразием и корчить рожи. Тогда Паг науськал на них собаку, и они разбежались.

Ви и Паг подошли к хижине Ви.

Когда они приблизились, закрывавшая вход завеса распахнулась, и из хижины выбежал мальчик лет десяти. Мальчик был красивый, несколько худощавый, с оживленным и сияющим лицом и совсем непохожий на своих однолеток.

Фо бросился к отцу на шею и закричал:

– Мать заставила меня есть в хижине, потому что холодный ветер и я все еще кашляю. Но я услышал твои шаги и походку Пага; ведь, знаешь, он ступает, точно тюлень переваливается на плавниках. Где ты был, отец? Утром я проснулся, а тебя не было.

– Я был у обиталища богов, – ответил Ви, взглянув по направлению к леднику и поцеловав сына.

В это мгновение Фо заметил огромную волчью шкуру, свисавшую до земли с плеч Пага; со шкуры все еще струилась кровь.

– Где вы добыли эту шкуру? – закричал он. – Какая красота! Вот это волк – всем волкам волк! Это ты убил его, Паг?

– Нет, Фо, я только освежевал его. Учись быть наблюдательным. Взгляни на копье отца. Весь наконечник его окровавлен, на рукояти – запекшаяся кровь.

– Но твой нож, Паг, тоже окровавлен, и ты тоже весь окровавлен, с головы до ног. Откуда же мне знать, кто из вас убил волка, когда вы оба такие храбрые? А что вы собираетесь делать со шкурой?

– Из нее мы сделаем тебе плащ, Фо. Я сделаю его искусно, так, что когти останутся на лапах, но отчищу их, и когда ты запахнешься в плащ, когти будут сиять.

– Очень хорошо. Сделай это поскорее, Паг. Ведь плащ будет теплый, а сейчас дуют такие холодные ветры. Отец, зайдем в хижину; еда ждет тебя, и ты расскажешь мне, как убил волка.

Фо ухватил Ви за руку и потащил его за собой за завесу из дубленых шкур, а Паг и собаки ушли в пристроечку позади хижины, где жил карлик.

Хижина была просторная, футов в шестнадцать в длину и футов двенадцать в ширину. Посередине ее находился глиняный очаг, в котором горел огонь, и дым уходил в отверстие в потолке; впрочем, так как утро было тихое, дым почти весь оставался в хижине и воздух внутри стал тяжелым и удушливым. Но Ви, привычный к этой обстановке, не замечал духоты.

По ту сторону очага стояла Аака, жена Ви, одетая в юбку из тюленьей шкуры, скрепленную завязками под грудью. Это была стройная, статная женщина лет тридцати; ее густые черные волосы свисали четырьмя пышными косами, завязанными на конце узлами из травы и сухожилий. Кожа Ааки казалась светлее, нежели кожа большинства женщин племени; она у нее, в сущности, была даже белая, только обветрилась от сурового климата: лицо – несколько широкое, но красивое и тонкое. Правда, физиономист подметил бы склонность к

некоторой сварливости. Подобно всем ее соплеменницам, Аака имела большие и печальные темные глаза. Она стояла у очага и жарила на заостренных палочках полоски мяса.

Когда Ви вошел, она посмотрела на него испытующим взглядом, точно пытаясь прочесть его мысли, затем улыбнулась несколько смущенно и пододвинула обрубок дерева, – племя не знало мебели, даже самой примитивной. Подчас случалось пользоваться вместо стола каким-нибудь большим плоским камнем или вместо вилки – раздвоенным прутиком, но больше этого фантазии ни у кого в племени не хватало, да и импровизированная вилка после употребления выбрасывалась и о ней забывали. Так, вместо кроватей служили охапки сушеных водорослей, брошенных на пол и накрытых какими-нибудь шкурами; для освещения приспособляли большие раковины, наполненные тюленьим жиром, в котором плавал скрученный из моха фитилек.

Он присел на обрубок, и Аака подала ему одну из палочек, на которой был насажен большой кусок тюленьего мяса, полусырого, прокопченного дымом, а в одном месте даже обугленного. Аака подала мужу еду и встала рядом в покорной позе, ожидая приказаний в то время, как Ви жадно пожирал мясо.

Затем Фо скромно и робко вытащил из какого-то укромного уголка хижины что-то, завернутое в широкий древесный лист, развернул узел и опустил его наземь. В узле оказалась какая-то растертая в мелкий порошок коричневая пыль, которую мальчик с большим трудом соскребал со скал после испарения морской воды. Как-то Ви случайно примешал к пище этот самый порошок, и оказалось, что от примеси пища становится намного вкуснее. Таким образом, Ви открыл для своего племени соль; впрочем, соплеменники его считали соль роскошным нововведением, которым вряд ли стоило пользоваться. Но у Ви были взгляды более широкие, и Фо поручили собирать коричневый порошок, что прежде входило в обязанности его сестры Фои. За этим занятием ее и застал убийца.

Вспомнив дочь, Ви отодвинул лист с его содержимым, но затем, увидев обиженное выражение лица мальчика, придвинул снова лист к себе и опустил мясо на порошок.

Наевшись досыта, Ви знаком разрешил Ааке и Фо съесть оставшееся мясо, на которое они жадно набросились, так как ничего не ели с самого вечера. Дело в том, что закон племени не позволял, чтобы члены семьи ели прежде, чем насытится ее глава. В качестве сладкого Ви взял ломоть провяленной на солнце

трески, такой твердой, что ни один современный человек не смог бы даже укусить ее. На закуску пошла пригоршня диких слив, которые Фо нашел где-то на холмах, а Аака испекла в золе.

Потом Ви приказал Фо отнести остатки еды Пагу и оставаться в пристройке, покуда его не позовут. Затем он выпил немало ключевой воды, собранной Аакой в большие раковины и в камень (самое ценное ее имущество), который был выдолблен ледником в форме горшка и обтесан от трения о другие камни. Он напился воды за неимением ничего другого, хотя осенью Аака варила что-то вроде чая из какой-то травы в раковине, и ее настойку все пили и нахваливали за бодрящее действие. Но трава эта цвела только осенью и до сих пор никому в голову не приходило собирать ее и сушить.

Напившись воды, Ви задернул шкуры, висевшие у входа, и скрепил их, протянув шнурок в специально для этого проделанные петли. Затем он уселся снова на свой обрубок.

– Что сказали боги? – торопливо спросила Аака. – Они ответили на твою молитву?

– Да, женщина, ответили. На восходе солнца с гребня ледника упала скала и раздавила мое жертвоприношение, так что лед воспринял его.

– Какое приношение?

– Голову волка, которого я убил по пути к леднику.

Аака подумала некоторое время и сказала:

– Сердце подсказывает мне, что примета эта добрая. Волк – Хенга, и ты убьешь Хенгу, подобно тому, как ты убил волка. Я слыхала, что шкура предназначена на плащ для Фо. Это добрая примета. Ибо она означает, что в некий день власть и звание вождя, которыми сейчас облечен Хенга, перейдут к Фо. И, наконец, если ты убьешь Хенгу, Фо останется в живых. Если же в живых будет Хенга, то Фо умрет, как умерла Фоя.

Ви слушал, и лицо его становилось все радостней:

– Такие слова дают мне силу. А теперь я пойду, созову племя и объявлю ему, что вызываю Хенгу на смертный бой.

– Ступай! – ответила она, – но выслушай меня, муж мой. Сражайся без страха, ибо, если мое толкование примет и предчувствий неверно и Хенга убьет тебя – что из этого? Скоро мы все умрем. Часть людей умрет медленно от голода, холода, старости и болезней, а смерть от руки Хенги – быстрая и легкая. Но если ты будешь убит, то и мы умрем: умрем скоро, очень скоро.

Ви встал и вышел из комнаты. Аака смотрела ему вслед и бормотала про себя:

– Быть может, все мои мысли о предчувствиях вздор. Значит, я обезумела. Но я безумна от горя по Фое и страха за Фо. Я должна дожить до того дня, до того часа, когда Ви выбьет ударом секиры мозги из толстого черепа Хенги. А если Ви будет убит, я вместе с Пагом отравлю Хенгу. Говорят, что Паг – Волк. Я ненавижу Пага, и Ви слишком много думает о нем. Но что мне до того, – волк ли Паг или какое иное чудище? Он любит Ви и любит моих детей и поможет мне отомстить Хенге.

И тут она услышала, как трубит рог дикого буйвола, служивший сигналом для сбора племени. Значит, Винни, прозванный Трясучка, потому что всегда дрожал как медуза, даже когда его ничто не пугало (а это бывало очень редко), созывает племя для общего обсуждения новостей, которые сейчас сообщат. Аака поднялась, накинула плащ и пошла на звук рога к Месту сборища.

Здесь, на ровном месте, на некотором расстоянии от хижины, шагах в двухстах от скалистого отрога горы, собиралось племя: мужчины, женщины и дети, – все, кроме тех, которые лежали в колыбели или были слишком больны или слишком стары, чтобы придти. Собираясь, люди возбужденно болтали друг с другом, радуясь тому, что что-то случилось и нарушило ужасающее однообразие их жизни. Время от времени кто-нибудь указывал на вход в большую пещеру, видневшуюся в скалах расположенного у Места сборищ горного отрога. В этой пещере жил Хенга, ибо с незапамятных времен здесь находилось жилище вождя племени, в которое никто не смел ступить без разрешения: жилище это было священно и неприступно для простых смертных, подобно нынешним дворцам.

Аака шла, чувствуя, что за ней внимательно следят одноплеменники. И она знала, почему так внимательно следят за нею, но делала вид, что не замечает

пристальных взглядов.

Уже разнесся слух, что Ви-Могучий, Ви-Великий Охотник, Ви, чью дочь на днях убили, собирается сделать что-то необычайное; впрочем, что именно – того никто не знал.

Все хотели об этом спросить Ааку, но никто не решился обратиться к ней; глаза ее были сейчас холодны и неподвижны, а люди вообще побаивались ее. И она шла одна, окруженная почтительным молчанием и искала глазами Фо. Вскоре она заметила его в обществе Пага. На плечах карлика по-прежнему висела волчья шкура, хвост которой волочился по земле, так как Паг был ростом мал. Аака заметила, что народ расступился, пропуская Пага. Но она знала, что это делают не потому, что любят его или уважают, а из страха перед ним.

– Погляди, – сказала неподалеку от Ааки какая-то женщина другой, – вон идет наш ненавистник, Злоязычный Паг.

– Да, – ответила та: – и он так торопится, что даже позабыл снять с себя волчье обличье, в котором охотился в прошлую ночь. Слыхала ты, что у жены Бука пропал трехлетний ребенок? Говорят, что его унесли медведи, но мне сдается, что Человек-Волк знает, что случилось с ребенком, лучше, чем кто бы то ни было.

– Однако, Фо не боится его. Смотри, Фо идет с ним рядом, держит его за руку и смеется.

– Ну, это-то понятно, почему Фо не боится его. Ведь...

Тут женщина заметила Ааку и сразу же замолчала.

– Хотела бы я знать, – размышляла Аака, – потому ли мы, женщины, ненавидим Пага, что он уродлив и ненавидит нас, или потому, что он умнее, чем мы, и всегда побеждает в словесных поединках? И хотела бы я знать, почему это все считают, что он наполовину волк или волчий оборотень. Должно быть, потому, что охотится вместе с Ви. Но как может человек быть человеком и волком одновременно? Впрочем, у него что-то с волками общее есть. А может, он сам об этом нарочно рассказывает для того, чтобы все мы боялись его.

Наконец она пришла на Место сборищ и стала рядом с Фо и Пагом. Племя расположилось, кто стоя, а кто сидя, кольцом вокруг ровно утрамбованной площадки, на которой иногда устраивались танцы, когда пищи бывало достаточно и погода стояла теплая. Эта же площадка служила и местом сбора совета племени. Здесь также юноши сражались и боролись за право завладеть любимой девушкой.

В некотором отдалении рядом с Винни-Трясучкой, который время от времени все еще трубил в свой рог, стояли старейшины племени. Это были старый Тури-Скряга, хранитель пищи – он всегда оставался толстым и жирным, как ни тощало племя; Пито-Кити-Несчастливец, которому всегда не везло: рыба у него всегда гнила, жены его покидали, дети умирали, а сети всегда рвались, так что его кормили другие, боясь, как бы он не умер и не передал своего невезения тем, кто не заботился о нем; Уока-Злой Вещун, бледнолицый и остроскулый мужчина, который всегда грозился грядущими бедствиями; Хоу-Непостоянный, часто опровергавший то, что говорил накануне; Рахи-Богач, торговавший каменными топорами и крючками для рыболовства и благодаря этому живший хорошо не работая; Хотоа-Толстопузый, который всегда говорил медленно, но предпочитал молчать, покуда вопрос не будет разрешен, а когда вопрос решался без него, он громко выкрикивал результат решения и делал при этом умное лицо; Тарэн, которая жила с Нгаем, жрецом Ледяных богов, волшебником, гадавшим на раковинах, предсказывающим будущее и выползавшим из своей норы только тогда, когда близка была какая-нибудь беда.

И, наконец, там стоял Моананга-Отважный, младший брат Ви, Великий Боец, который сражался шесть раз и добился наконец своего – завладел Таной-Прекрасной и Любящей, самой красивой женщиной племени: он также убил двоих, пытавшихся силой похитить ее у него. Это был круглоглазый человек со смеющимся лицом, вспыльчивый, но отходчивый и добродушный, первый охотник в племени после Ви. К тому же, он любил Ви и держался всегда вместе с ним, так что оба они были – одно. И вот поэтому-то Хенга-Вождь ненавидел их обоих и знал, что вдвоем они сильнее его.

Все эти люди разговаривали, наклонив головы друг к другу, и перешептывались, пока не появился Ви, – рослый, мощный, молчаливый. Когда все увидели его, то сразу замолчали.

Ви оглядел собравшихся, медленно всматриваясь каждому в лицо, и затем сказал:

– Я хочу сказать племени слово.

– Мы слушаем тебя, – ответил Моананга.

– Внимайте же, – заговорил Ви. – Есть закон, по которому каждый в племени вправе вызвать вождя на смертный бой. И по этому закону, если вызвавший убьет вождя, сам становится вождем.

– Такой закон существует, – заявил Урк, старый колдун, который делал для женщин талисманы и варил любовные зелья, а долгими зимними вечерами рассказывал то, что случилось давным-давно, до того, как родился дед его деда; то были рассказы диковинные и непонятные.

– Такой закон существует. Дважды в моей жизни случалась смена вождя, и второй раз это было, когда Хенга вызвал и убил своего отца и сам занял пещеру.

– Да, – прибавил Уока-Злой Вещун, – но если вызывающий потерпит поражение, то убивают не только его, но и всю его семью (и тут он взглянул на Ааку и Фо)... А также, возможно, и его друга и брата (и он взглянул на Моанангу). Да, таков закон, и в том нет сомнений. Пещера принадлежит только вождю, если он может защитить ее собственными своими руками. А если восстанет кто-нибудь, кто сильнее, нежели вождь, он может убить вождя и забрать себе пещеру, женщин и детей, если там есть дети, и убить их или превратить в рабов и владычествовать до тех пор, покуда силы его не начнут убывать и более сильный, чем он, не убьет его.

– Я знаю это, – сказал Ви. – Внемлите же вновь. Хенга причинил мне зло: он похитил и убил дочь мою, Фою. Поэтому я хочу убить его. К тому же он правит племенем свирепо и жестоко. Наши жены, дочери, одежда, пища – все в распоряжении Хенги. Его жестокость прогневала даже богов. Вот и лето уже у нас холодное, и весна не приходит. Почему это? Я говорю, что виною тому – жестокость Хенги. Поэтому я убью его, займу пещеру и буду править справедливо, так что у каждого будет пищи вдоволь и каждый сможет спокойно спать в своей хижине. Что вы ответите мне?

Первым заговорил Винни-Трясучка, дрожа всем телом:

– Мы отвечаем, что ты можешь делать все, что хочешь. Ви, но мы в это дело не вмешиваемся. Если же мы вмешаемся, то, когда тебя убьют, – а я не сомневаюсь в том, что тебя убьют, ибо Хенга сильнее, чем ты, да, сильнее, ибо он буйвол лесной, ибо он рычащий медведь, – тогда он убьет нас также. Поступай как знаешь и делай что хочешь, но делай все, что ты хочешь, один. Мы поворачиваемся к тебе спинами, мы затыкаем большими пальцами себе уши, мы закрываем глаза и не видим ничего.

Паг плюнул на землю и сказал низким голосом, который, казалось, выходил у него не изо рта, а из чрева:

– А мне кажется, что ты еще увидишь кое-что однажды ночью, когда звезды будут ярко сиять. Я думаю, Винни-Трясучка, ты скоро увидишь нечто такое, отчего так затрясешься, что развалишься на куски.

– Это Человек-Волк, – завизжал Винни, – защитите меня. Почему Человек-Волк угрожает мне, когда мы сошлись на Место сборищ и обсуждаем слова Великого Охотника Ви?

Никто не отвечал, потому что многие боялись Пага, и все, вплоть до последней рабыни, презирали труса Винни-Трясучку.

– Не обращай внимания на слова этого жалкого труса, брат, – сказал круглолицый Моананга, – я пойду с тобой до входа в пещеру, когда ты будешь вызывать Хенгу, и я думаю, что многие пойдут с тобой, дабы быть свидетелями вызова, ибо таков обычай и таков закон. Пускай те, кто не хочет идти, остаются на месте. Ты сам рассудишь, как поступить с ними, когда станешь вождем и будешь править нами и жить в пещере.

– Благодарю тебя за смелые речи, брат, – ответил Ви, – пойдём.

Глава III. Секира, которую сделал Паг

Когда вопрос был таким образом улажен, стали судить и рядить о том, как послать вождю Хенге вызов, сделанный Ви. Престарелого Урка заставили

рассказать, как поступали в таких случаях прежде, и старик стал говорить длинно и путано, то и дело противореча только что сказанному. Наконец, вскочил Хой-Непостоянный и заявил, что он-то ничего не боится и готов предводительствовать. Впрочем, он немедленно отказался от своих слов и заявил, что вспомнил: эта обязанность по праву лежит на Винни-Трубаче, который обязан трижды протрубить возле входа в пещеру и таким образом вызвать вождя. На это все согласились с криком и шумом, возможно, потому, что даже у этих дикарей было чувство юмора.

Винни, как он ни протестовал, заставили идти впереди и трубить. Итак, процессия двинулась вперед. Первым шел Винни, вплотную за ним Паг, по-прежнему в окровавленной волчьей шкуре, чтобы Винни не сбился с пути. Паг время от времени покалывал его в спину острым кремневым ножом. Затем шли сам Ви и его брат Моананга, а уже позади них старейшины и все племя. Так, по крайней мере, тронулись они в путь, чтобы пройти триста шагов, отделявших их от скалы, но прежде чем дошли они до пещеры, большинство стало отставать и процессия растянулась длинным хвостом от Места сборищ до обиталища Хенги.

Шли дальше только Винни, которому никак не удавалось улизнуть от Пага, Ви, Моананга и в некотором отдалении Уока-Злой Вещун, грозивший всем бедами. Рядом с ними отважно шагала Аака, с ненавистью глядя на его перекошенное лицо. Самые храбрые, гонимые любопытством, держались на расстоянии, достаточном, чтобы видеть все, что происходит, но большинство предпочло держаться в отдалении или спрятаться.

- Труби! - проворчал Паг Винни. Тот заколебался, и Паг снова уколол его в спину ножом.

Тогда Винни затрубил робко и нерешительно.

- Труби громче! - повторил Паг.

Винни приложил рог к губам, но не успел он перевести дыхание, как огромный камень выкатился из пещеры и ударил его в живот; Винни свалился, скуля и пыхтя.

- Теперь, по крайней мере, у тебя есть законная причина дрожать, - сказал Паг и заковылял в сторону, чтобы не попасть под следующий камень.

Но больше камней не бросали. Из пещеры с ревом выскочил дюжий волосатый темнолицый мужчина, размахивая огромной деревянной дубиной, – сам Хенга. Это был рослый, сильный, широкоплечий мужчина лет сорока, с грудью как у быка, огромной головой, с которой на плечи падали длинные черные волосы, и широким толстогубым ртом, в котором виднелись желтые клыкообразные зубы. На плечах у Хенги висела шкура пещерного тигра – одеяние, подобающее его званию, – и на шее было надето ожерелье из тигровых когтей и зубов.

– Кто послал этого пса тревожить мой покой? – скорее прорычал, чем прокричал он, указывая дубиной на корчившегося на земле Винни.

– Я, – ответил Ви. – Я и все племя. Я, Ви, чье дитя ты убил, – смело продолжал он, – в присутствии всего народа явился вызвать тебя, вождя, на бой, на который ты должен выйти, согласно закону. И победитель будет вождем племени.

Хенга сразу притих и взглянул на него в упор.

– Вот, значит, как? – спросил он шипящим от ненависти голосом. – Знай, что я надеялся довести тебя до этого, и, чтобы подбодрить тебя, убил твое отродье, убью и второго твоего детеныша.

Он взглядом указал на стоявшего в отдалении Фо.

– Ты уже давно надоедаешь мне, Ви, болтовней и угрозами, и я все собираюсь положить им конец. А теперь скажи мне, когда народ хочет полюбоваться на то, как я переломаю тебе кости?

– За час до захода солнца мы встретимся. Мне хочется уже в эту ночь спать в пещере, как приличествует вождю племени, – спокойно ответил Ви.

Хенга сверкнул на него глазами, покусывая губу, и затем сказал:

– Да будет так, пес. Я явлюсь на место сборищ за час до захода солнца. Но только эту ночь проведешь в пещере не ты. Аака будет спать в пещере в эту ночь, а ты будешь спать в брюхе волков. А теперь прочь, ибо мне прислали лосося, первого пойманного в этом году лосося, и я хочу съесть его поскорее.

Тогда заговорила Аака:

– Ешь досыта, злой дух, убийца детей! Ешь досыта, ибо я, мать, говорю тебе, что это твоя последняя трапеза.

Хенга, хрипло смеясь, вернулся в пещеру, а Ви со спутниками ушел.

– Кто бы это мог послать Хенге лосося? – лениво спросил Моананга.

– Я, – ответил шедший рядом с ним Паг вполголоса так, чтобы Ви не услышал. – Я этой ночью поймал его и послал Хенге. То есть, вернее, сделал так, что лосося положили на камень возле устья пещеры.

– Зачем? – спросил Моананга.

– Потому что Хенга любит лососей и уж непременно съест первого лосося, который пойман в этом году. Он съест рыбу всю, без остатка, и отяжелеет перед началом боя.

– Это умно. Мне бы это никогда в голову не пришло, – сказал Моананга. – Но откуда ты узнал, что Ви вызовет Хенгу?

– Это не знали ни я, ни Ви. Но я догадался об этом: ведь Аака послала его просить совета у богов. Когда женщина посылает мужчину просить совета у богов, совет этот всегда будет именно тот, какого она хочет. По крайней мере, она в этом убедит мужчину, и мужчина ей поверит.

– А это еще умнее, – произнес Моананга, внимательно и удивленно глядя на карлика. – Но почему это Аака хочет, чтобы Ви сразился с Хенгой?

– По двум причинам. Во-первых, она хочет отомстить за убитую девочку, и, во-вторых, она считает, что Ви сильнее Хенги и что она таким образом станет женою вождя племени. Впрочем, в последнем она еще не вполне уверена; я полагаю потому, что она условилась с Ви, что в том случае, если Ви будет убит, я должен убить ее и Фо. Затем мне предстоит покончить с собой. А может быть, я с собой покончу не сразу, а только после того, как убью или, по крайней мере, попытаюсь убить Хенгу.

– Значит, что же? Ты потом будешь вождем племени? – удивленно спросил Моананга.

– Может быть, некоторое время буду. Хорошо, если оплеванный и униженный будет унижать тех, кто раньше издевался над ним. Но ты – брат Ви и любишь его, и тебе я могу сказать, что, если Ви будет убит, я ненамного переживу его, потому что нет на свете человека, кроме Фо, кого я любил бы так же, как люблю Ви. Я вождем не буду; вождем будешь ты, Моананга. А я исчезну, хотя, быть может, впоследствии ты будешь слышать, как зимними ночами я буду выть вокруг хижин, выть вместе с волками, моими родителями, как говорят дураки.

Моананга снова удивленно уставился на мрачного карлика, чьи речи пугали его. Затем, чтобы переменить разговор, он спросил:

– А кто, по-твоему, победит?

Паг остановился и указал на море.

На некотором расстоянии от берега шла яростная борьба между акулой и китом. Грозная акула загнала кита на мель, где кит беспомощно бился, тщетно пытаясь ускользнуть. Морской волк, – так племя называло акулу, – высоко подпрыгивал и, падая снова в воду, бил кита по голове своим ужасным мечеобразным хвостом; удары гулко разносились по побережью. Кит корчился в агонии и пенил воду громадными плавниками, но ничего не мог сделать, хотя был и сильнее и больше акулы. Вот уже он стал задыхаться и разинул огромную пасть, и тогда хищник влетел ему туда, ухватил кита за язык и вырвал его. Тогда кит перевернулся на спину и стал истекать кровью.

– Взгляни, – сказал Паг. – Вот Хенга, огромный и могучий, и вот Ви, проворный и ловкий. И вот Ви одержал победу и до отвала наестся китовым мясом и накормит им всех своих друзей. Вот тебе мой ответ. А теперь я иду готовить Ви к битве.

* * *

Паг вошел в хижину и уснул Ааку и Фо, чтобы остаться наедине с Ви. Затем снял плащ с Ви, уложил его и натер ему все тело тюленьим жиром. Затем острым кремнем и тонко наточенной раковиной медленно и с трудом обрезал ему

волосы, покуда их не осталось так мало, что Хенге не за что было бы ухватиться, а остатки волос он натер тюленьим жиром. Затем посоветовал Ви соснуть и ушел, унося с собой каменный топор Ви, копье, которым Ви убил волка, и кремневый нож с рукоятью, сделанный из обломков зуба дельфина.

На пороге хижины он встретил Ааку, которая сердито бродила у входа. Она попыталась войти в хижину.

- Нет, - сказал Паг, - нельзя.

- Почему?

- Потому что Ви отдыхает и ему не нужно мешать.

- Значит, безобразное чудище, всем ненавистный Человек-Волк, живущий только из милости, может входить в хижину к моему супругу, а я, его жена, не могу! - яростно воскликнула она.

- Да, не можешь, ибо сейчас ему предстоит мужское дело - убить врага или быть убитым им, и нечего тогда женщинам подходить к нему, покуда дело не сделано.

- Ты говоришь так потому, что ненавидишь женщин, которые на тебя даже взглянуть не хотят.

- Я говорю это потому, что женщины ослабляют мужчин, потому что женщины жалкими словами убивают в них мужество.

Она прыгнула в сторону, чтобы проскочить мимо него, но Паг занес над ней копье. Тогда Аака остановилась, потому что боялась карлика.

- Слушай, - сказал он, - ты напрасно бранишь меня и упрекаешь, Аака; я - друг тебе. Но я не виню тебя в ненависти ко мне, ибо знаю причину твоей ненависти. Ты ревнуешь ко мне Ви и ревнуешь ко мне Фо; ведь оба они любят меня больше, чем тебя, хотя любят совсем по-другому.

- Любят тебя, выкидыша, уroda!

– Да, Аака. Ты, очевидно, не знаешь, что любовь бывает различная. Бывает любовь мужчины к женщине, которая приходит и уходит, и бывает любовь мужчины к мужчине, которая никогда не изменяется. Повторяю тебе, что ты ревнуешь. Еще сегодня я сказал Ви, что если бы он не взял меня с собой на охоту, но оставил бы сторожить Фою, ее бы не украл и не убил тот зверь, живущий в пещере. И я солгал. Я мог отказаться пойти с Ви на охоту, и он не заставил бы меня идти с ним, ибо знает, что я никогда ничего не делаю без причины. Я пошел с ним из-за того, что ты сказала мне, – ты должна хорошо помнить свои слова. Я сказал, что Фоя в опасности, что Хенга хочет украсть ее и убить и лучше мне остаться сторожить ее, а ты ответила, что никогда не позволишь волчьему приемышу охранять твою дочь и будешь охранять ее сама. Не уберегла ты ее. Ты выбрала меня, и я ушел на охоту с Ви, и Хенга похитил Фою и убил ее.

Аака повесила голову и ничего не ответила, так как знала, что Паг говорит правду.

– Оставим это, – продолжал Паг. – Мертвецы мертвы: умерли и не встанут. Я сказал тебе мудрые и правильные слова, но можешь снова выбрать меня, пойти в хижину и разбудить Ви. Но повторяю, если ты так поступишь, ты можешь изменить исход боя и обречь почти на верную смерть и Ви, и себя, и Фо.

– А Ви спит? – спросила Аака уже более сдержанным тоном.

– Думаю, спит, потому что я посоветовал ему заснуть, а в таких делах он слушается меня. И прошлую ночь он спал очень мало. Но путь открыт, и я сказал все, что хотел сказать. Теперь поступай, как знаешь. Ступай, разбуди его, спроси, спит ли он, утоми его бабьей болтовней, расскажи ему, какие сны снились тебе, что ты думаешь о Фое и Ледяных богах, подготовь его этим к бою с Хенгой, силачом и великаном.

– Не пойду, – ответила она, топая ногой. – Ведь не то, если Ви потерпит поражение, ты будешь своим ядовитым языком указывать на меня, как на причину его смерти. Но знай, безобразный отщепенец, помни, Человек-Волк, что если Ви победит и останется в живых, он должен будет выбрать между тобой и мною, ибо если ты будешь жить с ним в пещере, я останусь здесь в хижине.

Паг рассмеялся.

– Тогда-то уж наверняка будет мир и тишина. Ведь если Хенга будет убит, после него в наследство новому достанется немало красивых женщин, которые также живут в пещере и, несомненно, не сразу согласятся выселиться оттуда. А, впрочем, поступай, как знаешь; полная тебе свобода к в этом деле, и во всех других. Только говорю тебе, Аака, что ты напрасно оскорбляешь меня; быть может, в скором времени тебе понадобится моя помощь для того, чтобы покинуть этот мир.

Внезапно он перестал насмехаться, перестал раскачивать огромную голову, – он всегда покачивал головой, когда издевался – посмотрел ей прямо в глаза единственным своим глазом, – народ говорил, что он видит этим глазом в темноте не хуже дикой кошки, – и сказал спокойным и ровным голосом:

– Почему ты издеваешься над моим безобразием? Выбирал ли я сам свой облик или получил его от женщины? Кто выбил мне правый глаз? Я сам или женщина выбила его мне, ударив о камень? Сам я покинул племя зимою, уходя на голодную смерть, или меня выгнали женщины за то только, что я говорил им правду? Почему ты сердисься на меня за то, что я люблю Ви, который спас меня от жестокости женщин, и люблю твоего сына Фо, зачатого тобою от Ви? Почему ты не можешь понять, что я, несмотря на то, что безобразен, обладаю сердцем большим, чем у всех вас, и мудростью большей, чем мудрость всех в племени, и что эти сердце и мудрость – первые слуги Ви и всех тех, кому Ви прикажет служить? Почему ты ревнуешь меня?

– Хочешь знать, Паг? Потому что ты говоришь правду. Потому что ты для Ви дороже, чем я; потому что ты и для Фо дороже, чем я. Мы с тобой станем друзьями только тогда, когда явится третий, кого Ви полюбит больше, чем тебя. Только тогда, но не раньше.

– Это может случиться, – задумчиво сказал Паг, – а теперь больше не мешай мне, ибо я иду готовить оружие для этого боя и не хочу терять время понапрасну. Ступай в хижину, ступай и рассказывай Ви все, что хочешь.

Аака заколебалась, но потом ответила:

– Нет, я пойду с тобой помогать тебе готовить оружие, ибо мои пальцы гибче твоих. Пусть между нами на час наступит мир, а если хочешь, продолжай издеваться, но я не буду отвечать тебе.

Паг снова рассмеялся и промолвил:

– Женщины странны, так странны, что даже я не могу полностью понять их. Идем! Идем, ибо острия копья и топора притупились, и связки, удерживающие их в рукоятках, нужно переменить.

Некоторое время Паг, Аака и мальчик Фо, который помогал им, бегая с различными поручениями, работали над простым оружием Ви, заострили копье и наточили острие топора. Когда топор был наточен как следует, Паг взвесил его на руке и с проклятием бросил на землю.

– Слишком легкий, – сказал он. – Как может эта игрушка устоять против дубины Хенги?

Он поднялся, сбегал в свое логово позади хижины и вернулся, неся блестящий обрубок в форме секиры.

– Взгляни, – сказал он, – это не намного больше топора Ви, но тяжелее втрое. Я нашел его у горы, где валялось много таких камней. Прошлой зимою я обточил и обработал его.

Аака взяла этот предмет, и рука ее опустилась к земле, так он был тяжел. Тогда она потрогала край предмета, который был острее, чем край только что отточенного топора, и спросила, что же это такое.

– Не знаю, – сознался Паг. – В общем, эта вещь похожа на камень, побывавший в жарком пламени. И эта вещь такая твердая, что обрабатывать ее я мог только другим куском такого же камня. Я стучал и колотил ее после того, как она полежала в огне и раскалилась докрасна, а затем оттачивал тонким песком и водой.

Паг того не знал, но ясно было, что странная вещь – осколок железного метеорита. Паг, руководствуясь только догадкой, стал одним из первых на свете кузнецов. Обнаружив, что странный «камень» настолько тверд, что не поддается никакой обработке, Паг раскалил его докрасна на огне и затем обрабатывал другим подобным «камнем». Таким образом Паг научился использовать железо и открыл одно из важнейших ремесел человечества, самостоятельно сделал один

из важнейших шагов вперед в истории развития человечества.

– А это не сломается? – с сомнением спросила Аака.

– Нет, – сказал Паг. – Я уже испытывал этот камень. Удар, который разносит в куски самый крепкий каменный топор, не оставляет на этой вещи никаких следов. Эта штука не сломается. Выдержит. Но не выдержит то, что ударят этим. Я сделал эту секиру для себя, но отдам ее Ви. А теперь помоги мне.

И он вытащил рукоять. Рукоять, подобно лезвию, была совершенно особая, невиданная в племени до сих пор. Паг с бесконечным терпением и трудом сделал ее из толстой кости голени огромного оленя. Эту кость, почерневшую, полусасыпанную, он нашел однажды на берегу реки, когда рыл яму для того, чтобы добыть воду. Очевидно, кость принадлежала благородному созданию, известному у нас под названием «ирландский олень» или «*cervus giganteus*». Отколов часть этой кости, Паг сделал в ней глубокую щель, разделив край ее надвое, и в эту щель вставил шейку секиры. Шейка пришлась как раз и только на дюйм или два выступала из щели. С большим усердием при помощи Ааки и Фо принялся он за работу.

Сухожилиями и полосками сухой оленьей кожи он прикрепил рукоять к клинку, завязав концы множеством узлов. Затем, размягчив на огне птичий клей и янтарь, который в огромном количестве находил на берегу (он нагрел их, смешав в раковине), покрыл этим клеем веревки из кожи и, когда клей высох, подравнивал его острым камнем. Затем он опустил готовую секиру в ледяную воду. Вынув ее из воды, держал в дыму пылавшего рядом костра, чтобы клей совершенно засох и веревки ссохлись от жары. Затем он покрыл первый слой клея новым слоем, охладил его пригоршней снега, высушил на огне и отполировал.

Наконец, он закончил свое дело. Гордость переполняла его сердце, и он поднял оружие, восклицая:

– Вот лучшая секира, какую когда-либо видело племя.

– А кость не разломится? – недоверчиво спросила Аака.

– Нет, – возразил Паг, продолжая тереть потемневший от дыма клей. – Я испытывал крепость клинка. Никто не в силах сломить его. Взгляни! Чтобы рукоять была прочнее, я обтянул ее кожей. Ну, а теперь я пойду будить Ви.

* * *

Продолжая полировать секиру и топорище куском шкуры, Паг тихонько вошел в хижину, оставив Ааку за дверями. Ви спал, как дитя. Паг осторожно положил секиру на шкуру, покрывавшую ложе, вернулся к двери и спрятался за занавеской. Затем он поскреб ногой земляной пол, и Ви проснулся.

Первое, что он увидел, была секира. Он сел, взял секиру в руки и стал жадно рассматривать ее. Когда он насмотрелся на такое чудо, – а для него это была чудесная вещь, сделанная из неизвестного ему камня, втрое тяжелее обычного, с рукоятью из черной кости, тверже моржового клыка и обтянутую кожей, с острым топором, острее любого кремневого топора, – он решил, что видит сон, ибо подобным оружием сражаются одни только боги.

Паг проковылял к его ложу и сказал:

– Пора вставать, Ви. Но сперва скажи мне, как нравится тебе твоя новая секира?

– Ее, наверное, сделали боги, – задыхаясь, сказал Ви. – С этим оружием я без страха один могу идти на белого медведя.

– Да, ее сделали боги. Эта секира – дар богов. Я потом расскажу тебе, как они прислали тебе ее. Но дана она тебе не для того, чтобы убить белого зверя, который бродит во тьме, не для того, чтобы расправиться со свирепым хищником, который рыщет и убивает и днем и ночью. Говорю тебе, Ви: это – Секира Победы. Раз она у тебя – ты непобедим. Слушай, Ви, когда Хенга набросится на тебя, размахивая своей огромной дубиной, отскочи в сторону и изо всех сил ударь его по рукам. Если удар секиры обрушится на руки ему или на рукоять дубины, то начисто их отрубит. Если его руки уцелеют, он снова набросится на тебя, пытаясь схватить и раздавить в объятиях, или переломить тебе шею или позвоночник. Если успеешь, бей его по ногам. Старайся повредить сухожилия, чтобы он захромал. Но если ему все же удастся схватить тебя, старайся ускользнуть из его объятий, – ты ведь смазан жиром. И тогда, прежде

чем он снова поймают тебя, бей его по шее или по голове, или по спинному хребту, – куда придется. Ведь эта секира не только не сломает то, что ты ударишь, но глубоко вопьется в тело врага и убьет его. Только не оброни секиры. Видишь: к рукоятке прикреплена петля: накинь ее на руку, тогда секира не соскочит; чтобы было верней, я привяжу ее к твоей руке вот этим сухожилием. Протяни руку.

Ви протянул руку и возразил, в то время, как Паг ловко укреплял сухожилием петлю у него на кисти:

– Понимаю, но не знаю, удастся ли мне сделать хотя бы часть того, что ты говоришь. И все-таки, как чудесна эта секира. Как бы то ни было, я постараюсь орудовать ею получше.

Тогда Паг снова натер Ви тюленьим жиром, заново осмотрел секиру, чтобы проверить, все ли узлы как следует сохлись и крепко ли держит клей. Затем он дал Ви кусок сушеной рыбы с тюленьим жиром, воды, набросил шкуру ему на плечи и вывел из хижины.

* * *

Аака ждала снаружи вместе с Моанангой.

Она взглянула на мужа и спросила:

– Кто обрезал ему волосы?

– Я, – ответил Паг, – и у меня были достаточные основания для этого.

Она толкнула его ногой и холодно сказала:

– Как смел ты коснуться его волос? Я ненавижу тебя за это!

– Если тебе так хочется ссориться со мной, можешь ненавидеть меня и дальше. Но помни, Аака, что в конце концов ты будешь благодарна мне за то, что я сделал, хотя, впрочем, ненавидеть меня станешь еще больше.

– Больше невозможно, – отвечала Аака.

И они тронулись к Месту сборищ.

* * *

Собралось все племя.

Стояли кольцом, молча, потому что были настолько возбуждены, что было не до разговоров. От исхода этого боя зависела участь племени. Хенгу боялись и ненавидели, потому что он правил жестоко и убивал каждого, кто осмеливался роптать; Ви племя любило, однако никто не смел проронить ни слова, ибо не знали, каков будет исход боя, и думали, что нет на свете человека, кто устоял бы против мощи великана Хенги и спасся от яростных ударов его огромной дубины.

Народ удивленно глазел на новый топор, висевший на руке Ви: люди указывали на него, подталкивая друг друга локтями, дивились тому, что волосы Ви коротко обрезаны, и не понимали, зачем; впрочем, думали, что это – жертва богам.

И вот назначенный час наступил.

Хотя холодный туман над морем и берегом закрывал солнце, все знали, что до захода осталось не более часа. Внезапно раздался голос:

– Он идет! Хенга идет!

Все обернулись к пещере.

Великан вышел из тени утеса и шел к ним, тяжело ступая. Ви наклонился, поцеловал сына и сделал знак Ааке, чтобы она присмотрела за ним. Затем, в сопровождении своего брата Моананги и Пага, он вышел на открытое место в центре круга. Там стоял Урк, Престарелый Колдун, в чью обязанность входило оглашать правила и условия боя, завещанные законами племени.

В то время, как Ви подходил к месту, Уока-Злой Вещун крикнул ему:

– Прощай, Ви! Мы больше не увидим тебя. Жаль очень, что тебя убьют. Ведь ты хороший охотник и всегда приносишь большую добычу. Кто же заменит тебя нам?

Паг обернулся, засверкал на него своим единственным глазом и сказал:

– Меня-то уж, во всяком случае, ты увидишь!

Ви шел, не обращая внимания ни на что. Вот он сошелся с Хенгой, одетым в тигровую шкуру и державшим в левой руке свою огромную дубину.

– Очень хорошо, – прошептал Паг Ви. – Посмотри, у него живот набит плотно, он все-таки съел моего лосося.

Шедшие за Хенгой рабы остановились на некотором расстоянии от места встречи врагов.

Хенга заревел:

– Что? Я должен биться не только с этим человеком, но и с его друзьями?

– Пока еще нет, Хенга, – смело возразил Моананга. – Сперва убей человека, а затем можешь сражаться с его друзьями.

– Это дело не трудное, – ухмыльнулся Хенга.

Вперед вышел Урк, поднял руку и с гордым видом приказал всем замолчать.

Глава IV. Смерть Хенги

Сперва Урк, как знаток старинных обычаев племени, начал подробно пересказывать закон о сражениях, подобных сражению Ви с Хенгой.

Он сообщил народу, что вождь сохраняет свое звание и пользуется своими правами и преимуществами только потому, что он сильнее всех в племени, подобно тому, как стадом повелевает сильнейший буйвол. Когда же против вождя восстает охотник моложе и сильнее, он вправе убить вождя, если это удастся ему, и занять место вождя. Но только закон требует, чтобы вождя он убил в открытом и честном бою, в присутствии всего народа, причем в бою каждый имеет право пользоваться только одним оружием. Если же вызванный победит, пещера и все живущие там принадлежат ему и все признают его вождем. Если же он будет побежден, труп его будет брошен на съедение волкам.

В общем, Урк, сам того не зная, излагал учение о том, что выживают сильнейшие – закон, много тысяч лет спустя сформулированный Дарвином.

Хенга начинал терять терпение. Ему казалось, что он быстро справится с таким врагом. Ему хотелось поскорее вернуться в пещеру, выслушать приветствия и хвалы своих жен и отоспаться после лосося, которого он – как справедливо предвидел Паг – обглодал всего.

Но Урк не умолкал. Он, как хранитель преданий, чувствовал себя в своей стихии: он был главным жрецом и руководителем всех обрядов племени и считал малейшее отступление от традиций смертным грехом.

Урк заявил возмущенно, что все, даже малейшие, обряды должны быть соблюдены. Не то он не будет иметь права на полагающиеся ему одежду и вооружение побежденного. При этом он жадно взглянул на страшную секиру, какой ему никогда не случалось видеть раньше, взглянул жадно, хотя сморщенные его руки вряд ли могли бы занести секиру для удара. Он громко заявил, что когда-то, в дни своей молодости, помогал отцу, бывшему колдуном племени до него, в подобном же деле, и что на нем и сейчас надет плащ, снятый тогда с трупа побежденного.

И он указал на облезлую и лоснящуюся шкуру на своих плечах. Он добавил, что если его сейчас перебьют, он предаст нарушителя обряда самому страшному проклятию, какое только может придумать. Наверное, все прекрасно понимают, что из этого последует.

Ви слушал и молчал. Но Хенга проревел:

– Так поторопись, старый дурак. Я начинаю зябнуть, и скоро будет слишком темно, так что я не смогу изуродовать этого малого так, чтобы собственные псы его не узнали.

Тогда Урк стал излагать причины, заставившие Ви послать Хенге вызов.

Разозленный словами «старый дурак», он излагал эти причины особенно ядовито. Рассказал, что, по мнению Ви, Хенга угнетает народ, и привел немало ярких и убедительных примеров этого угнетения. Рассказал о похищении Хенгой дочери Ви Фои и об убийстве ее. Разгоряченный собственными словами, он стал выкладывать новые обвинения, уже не связанные с Ви. Тут Хенга не выдержал, подскочил к старику и ткнул его ногой в живот так, что тот отлетел на несколько шагов.

Урк поднялся, прихрамывая, отошел в сторону, призывая на голову Хенги все мыслимые и немыслимые проклятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/genri-haggard/ledyanye-bogi>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)